

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Культура. — 1992. — 18 апр. — с. 8

Корабль уже не плывет

Недавно я была... хотела написать «в одном городе». А потом подумала — ну чего там, назову.

Недавно я была в городе Киеве. У одной актрисы, хотела написать. Но потом подумала — ну чего уж там, скажу.

Недавно я была в гостях у моей любимой актрисы Раисы Недашковской. Любимой — не в смысле «самой любимой», но просто любимой. Я полюбила ее заочно, по фильму «Комиссар», который, надеюсь, никому не надо представлять.

Снявшись в «Комиссаре», Раиса Недашковская стала очень знаменитой — и не только в Советском Союзе, и тем более на Украине. Все это время, эти двадцать лет (со дня производства фильма) актриса вроде бы и снималась, но считалась как бы немного экстерриториальной — мол, прославилась там, на стороне. А потом и вовсе, когда «Комиссар» бурно прорывался на мировые экраны, то прорвалась и она, и стала ездить по америкам, япониям — ну, скажите сами, кому это понравится, если искренне, кому это понравится у себя дома?

Вот здесь я подступаю к самому, по сути, сокровенному, о чем очень трудно писать, никого не обидев. Но мне кажется, писать надо. Потому прежде всего, что это касается не одной Недашковской, а очень многих крупных мастеров национального кино. Их очень трудной сегодня судьбы.

Вы, наверное, заметили, что в последнее время мы совсем не говорим ни о грузинском, ни о литовском, скажем, кино. Хотя оно, наверное, есть — в небольшом, я думаю, количестве. Вот, например, Шенгелая или Абуладзе, или Гогоберидзе совсем, с головой, ушли в политику. Я не буду сейчас вдаваться в споры — хорошо это или плохо для политики. Но знаю, что для искусства — поистине губительно. Тем более такого, как кинематограф, где все меняется ежедневно, ежеминутно — это ведь еще и техника, и производство.

Так вот. Возвращаясь к Недашковской. Недавно в своем интервью в «Культуре» Вадим Абдрашитов с тревогой говорил о рушащихся связях национальных кинематографий. И о том, кстати, к чему и я сейчас здесь подхожу — что под флагом возрождения национального искусства возвращаются порой костюмированные картинки из народной жизни, нечто от «сарафанной экзотики». Мы как-то и раньше, а уж теперь тем более, очень стесняемся называть вещи своими именами. Но что же скрывать, если и впрямь рушится уникальное здание многонационального отечественного кино, а вместо него некоторые деятели от культуры хотели бы насадить вот такое нечто местного разлива.

И не надо бояться здесь обидных слов. Именно так — местного разлива. Потому что, в противовес, например, такому, с позволения сказать, искусству, сделан же сегодня, на диво всем, «Пегий пес, бегущий краем моря» — проза Айтматова, Студия им. Довженко, режиссер армянин Карен Геворкян.

Раиса Степановна, однако, упрямо твердит, что она в

долгу перед «своим» искусством, своим народом — как будто в искусстве есть такое понятие «свой». Она не просто твердит, а я вижу, видела в последний свой приезд в Киев, как она буквально мечется в поисках. Отчетливо понимая всю тупиковость ситуации.

Одним словом, в Киеве я посмотрела пару фильмов, в которых снималась Недашковская, сделанных исключительно на национальном материале. У нее не главные роли, в одной картине это вообще эпизод — и вот если я скажу, что это на несколько порядков ниже того, что она делала в многонациональном советском кино, то это значит, ничего не сказать. Это просто вообще не уровень для такой актрисы, как Недашковская.

Мы сидели у нее на кухне и ели борщ — она всегда готовит борщ, когда приезжают гости. Говорили о том, о сем, так и не решаясь сказать о главном — как будет жить актриса Недашковская, если она не будет сниматься в Москве, Ленинграде, Свердловске, Риге, Ташкенте?

И я вспомнила, как мы вот так же сидели года два назад с Вией Артмане, — правда, это было в театре, в гримборной. И она мне рассказывала о лучшей своей, на мой да и на ее взгляд, последней роли — в фильме «Человек свиты». Кажется, кто знаком с современной литературой, это название сразу же назовет имя прекрасного русского прозаика Владимира Маканина. И разговор у нас шел о том, что в самой Латвии далеко не так доброжелательно отнеслись к этой талантливой работе, да и играют в ней, помимо Артмане, только русские актеры. И Вия Фрицевна, во всяком случае, в то время, доказывала мне, как губительно для искусства «делить его на «свое» и, скажем так, «не свое». Я не знаю, как и что она думает сейчас, но скажу — опять-таки прекрасную работу она сделала в Москве в фильме режиссера Валерия Тодоровского «Катафалк» — сделала, забывши и оставивши в сторону все заботы о своей великой красоте и предстала на экране распадающейся старой женщиной. Но ведь это ради искусства!

Быть может, я преувеличиваю, но неужели навсегда ушли прекрасные дни, когда Ионас Грицюс работал с Григорием Козинцевым, а Эльза Радзинь — со Смоктуновским, Адомайtis — с Михаилом Волонтиром, Отар Коберидзе — с Нонной Мордюковой?

Конечно, могут сказать — ах, какие нежные чувства! Сколько угодно картин из нынешних четырехсот, где то и дело мелькают Лембит Ульфсак или Альгис Матуленис, или Юозас Будрайтис — да, мелькают. Но нет среди них ни «Тили Уленшипелля», ни «Никто не хотел умирать», ни «Выбора» — это я назвала те значительные картины, которые, ставши фактами биографии этих актеров, одновременно оказались и событиями искусства.

А так, когда мы нередко видим панораму знакомых лиц, то кажется — это просто компания, сколоченные на скорую руку, для быстрых денег — и не более.

Валентина ИВАНОВА.

166